

Светлана Зверева

Кариатиды средней полосы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
343

Зверева С.

Кариатиды средней полосы / Зверева С. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 107 с.

ISBN 978-5-532-93150-3

В романе описывается история одной крестьянской семьи с 19 века по сегодняшний день. Личные переживания героев и трудности их судеб рассматриваются в призме монументальных исторических событий. Мистика и жестокая реальность переплетаются в повествовании. Читатель может наблюдать, как одна из героинь пересматривает отношение к своей семье. Её взгляд меняется, когда она узнает, сколько горя пришлось пережить её предкам. Ей придётся вырастить свои чувства: от обесценивания и презрения до восхищения и гордости.

ISBN 978-5-532-93150-3

© Зверева С., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	16
Глава V	18
Глава VI	20
Глава VII	26
Глава VIII	29
Глава IX	33
Глава X	40
Глава XI	43
Глава XII	45
Глава XIII	47
Глава XIV	51
Глава XV	55
Глава XVI	57
Глава XVII	64
Глава XVIII	66
Глава XIX	71
Глава XX	78
Глава XXI	82
Глава XXII	84
Глава XXIII	88
Глава XXIV	91

Глава XXV	97
Глава XXVI	101
Глава XXVII	103

Глава I

Погладь похоронное

Приехала в наше Купалово ранней осенью. Уже прошли августовские ураганы. А они так нравились мне в детстве. Стихия завораживала. Я любила стоять посередине улицы и смотреть, как гнутся гигантские ветви ив и берез. Деревья в истерике трясли ими, кричали, прося о помощи. Было очень страшно, но уйти не хотелось. Сердце билось, готово было выскочить из груди. Стоя тут, среди бури, слушая вой, я чувствовала напряжение мира, понимала его тонкость. Вот-вот и порвется. Но не рвался. Я ощущала, что нахожусь в самом центре волшебства. И уйдешь оттуда – пропустишь самое незабываемое.

Наутро мы бегали к соседям смотреть на вывороченную с корнем огромную березу. На месте мощного ствола – вывернутая земля выше папы. Как будто божественный пахарь поработал здесь. Мужики собрались, закурили, завели разговор. «Вот здесь отпилить, слышь?» «Хорошо, крышу не задело». «Ты сюда веревку вяжи. Пила-то тупая. Что ж так...»

Природа подкидывала работёнку. И теперь человек решал, как с ней справиться. Было в этом что-то героическое. Задача по спасению. Дома, двора, сада, человека. Мужики стояли важные, гордые. Смотреть на них было одно удовольствие. Только вчера я боялась, стихия грозила смертью, дышала разгневанной силой. А теперь спокойно и безопасно от этих переминающихся курящих людей.

Я приехала в деревню в сентябре. Тогда я была молодая счастливая жена, беременна на ранних сроках. Первым делом по приезду мы заходили в дом к Медведевым, близким людям, но не таким уж близким родственникам – Славка маме троюродный брат. Баба Дуня, его мать, одна из немногих, кто зимует здесь. Все дачники уже разъехались, дети учатся. Деревня осенью и зимой вымирает. Только в четырех домах из пятнадцати горят окна и топят печи. Но колхоз

дорогу расчищает. Стариков – ветеранов и тыловигов – нельзя оставлять отрезанных от помощи.

Суббота. Утро. Петухи поют. Вхожу на высокое крыльцо, стучу. Отворяет баба Дуня. Целуемся. «Привет, привет». Прохожу сквозь терраску. Сушатся на столе яблоки, запах кисловато-сладкий. Входим на кухню. Справа русская печь, уже топили, прохладно на улице ночью. В избе тепло, пахнет нагретой на печке тужуркой, гречневой кашей и топлёным молоком.

Вхожу в переднюю комнату. Ничего нового. Комната на четыре окна, светлая. Занавески на окнах: наверху белые кружева, внизу тюлевые и зеленые ночные на веревочке, примотанной на маленькие гвоздики по бокам. Моё любимое зеркало встречает меня кривым отражением.

«Помоги погладить», – просит баба Дуня. Показывает на стол. На столе разложено одеялко и простыня, стоит утюг, лежат несколько тёмных старушечьих вещей: платки, халат, ночнушка. Хорошо, что ж нет-то. Приступаю к глажке.

В избе кроме бабы Дуни живет её мать Мария Медведева и муж, ветеран войны, дошедший до Берлина, дед Вася. Он вечно пьяный или спит. Никогда не понимала, что он говорит, как будто у него каша во рту. Глотаёт слова и не договаривает предложения, речь бессвязная. Обычно киваю и поддакиваю. Спрашивала у тети Даши, был ли он такой всегда. Она смеялась и подтверждала, что был.

Дунина мать, баба Маша – родная младшая сестра моей прабабки Ольги, умершей лет за двадцать до моего рождения. Бабе Маше уже за 90. С тяжелым характером женщина, перенесшая и революции, и войны. В прошлом спорая хозяйка, талантливая стряпуха, пироги которой славились не только в Купалове, теперь сухая и дряхлая. Застать последние 6 лет её можно в одной и той же позе: сидит на диване прямо под моим любимым зеркалом, правым боком прислонившись к горке подушек. Ноги в сапоге-грелке. Она всегда мерзнет. Одета в теплую коричневую кофту, халат и два платка.

Последние годы она не видела, не понимала, что вокруг происходит. Забывала потихоньку своих близких. Жизнь уходила из неё медленно. Она почти всегда молча дремала, но слышно было ино-

гда, как она кричит на дочь повелительно: «Дуньк, Дунька! Где ты? Что ж не кормишь меня!» Баба Дуня привычно оправдывалась перед грозной матерью, говорила, что та только недавно ела, но забыла. «Ножку дай!» – кричала старуха, прося лекарство «Нош-па». Дочь бежала, расталкивала в ложке желтую таблетку, наводила сладкого не горячего чая, поила мать. Всю жизнь тренированная подчиняться бабе Маше, перечить ей не могла даже немощной. А старуха уже не помнила, что эта самая Дуня – дочь её старшая. Не помнила она ни горя, ни радости.

Я стояла и водила утюгом по новому темно-синему тёплому халату. Слева от меня – в другом углу комнаты, под зеркалом – бабушка Маша с закрытыми глазами сидела в привычном положении. Надо мной висели старинные иконы, купленные еще прадедом моей бабушки Иваном. Они потемнели, оклады на них помутнели и вытерлись. Сегодня я заметила, что лампада под ними была зажжена.

Баба Дуня подошла и сказала, что этот синий халат был сшит моей бабушкой, её двоюродной сестрой, Инной. «Да, – ответила я, – сразу видно её шов – качественно».

Потом сели пить чай вдвоём. Чаёвничали обычно вприкуску с конфетами или кусочком сахара из маленьких разноразных чашек с блюдцами.

Помню, как еще моложавая баба Маша любила пить из блюдца. Нальет из чашки в блюдце чай и скребет дном чашки по краю блюдца, собирая капли. Она знала, что я не люблю этого звука, от него как будто зубы сводит. Но делала это специально, подтрунивала надо мной. И просить перестать было бесполезно – только хитро посмотрит и тему переведет.

Мы пили чай и смотрели на улицу в окно кухни. Замолчали обе. Задумались. У меня светло внутри, я все последнее время к себе прислушивалась. «Бабушка-то ночью умерла», – сказала баба Дуня.

Глава II

Иван

Старики говорили, что деревянная церковь в Ивановском простояла больше двухсот лет. А каменную построили в 30-х годах 19 века. Церковь строилась на народные деньги: на строительство скинулись 7 деревень. Старая обветшала, смотрелась ужасно: черная от дождей, прогнившие нижние бревна, кое-где залатанные. Того и гляди прибила бы кого-нибудь на крестинах или поминках. Купаловские мужики гордились, что собрали деньги. Не барская церковь, их, народная.

Той весной маленький Ваня Медведев с другими мальчишками помогал мужикам таскать кирпичи. Каждая баба, кроме древних старух, которые и ходить-то уже не могли, перенесла по несколько кирпичей в подоле нового фартука. Батюшка торжественно в праздничной ризе отслужил молебен. Прошли крестным ходом вокруг. Лица людей освещала особенная светлая радость. Эта весна сулила новую жизнь, достаток. Каменная церковь вселяла надежду на хорошую сытую жизнь без войн и горя, без голода и потерь. Хоть строительство шло и не быстро, но в несколько лет церковь поставили.

Церковь освятили, как и прежнюю, во имя Иоанна Крестителя, имя которого тесно сплелось с Иваном Купалой. В народных головах древние языческие легенды соединились с православным верованием крепко, не отделишь одно от другого. Илья Пророк в рассказах старух ездил по небу на золотой колеснице, молнии и раскаты грома были его рук делом. А Николай Угодник защищал скотину и хозяйство семьи. К святым обращались за помощью и удачей, как и к древним богам.

Престольный праздник в Купалове и в Ивановском праздновали в июне – в день Ивана Купалы. Традиция широко отмечать и созывать гостей в этот день сохранилась до конца 20 века, постепенно угасая и забываясь. В деревне перед праздником мылись и проветривались избы, выбивались половики, готовили богатые столы. В

этот день с утра все шли в церковь на службу. А к обеду встречали гостей. Народу собиралось много: из соседних сёл и деревень, родственники из города. Ходили из дома к дому. Угощались, объедались, хватали лишку хмельного. К вечеру играла гармонь, плясали бабы, пели. Детворе нравилось незлобное настроение подвыпивших взрослых, никто не ругался, не заставлял работать, не бегал с крапивой, не раздавал подзатыльники. Шумно было чуть ли не до утра. Светлые ночи давали погулять и расслабиться уставшим от труда крестьянам. Ночью в избах оставались ночевать вповалку. Некоторые перепившие мужики засыпали прямо в траве. И утром их обнаруживали шедшие за крапивой для свиней и кур бабы.

Медведевы к концу 19 века разрослись. Изба была большая: разделена на летнюю и зимнюю часть. Зимняя часть – большая комната с русской печью, за которой был «бабий кут» – кухня. В избе были полаты наверху для ребятишек и молодых парней. Старики спали на печи, хозяева – на широких лавках. Летом молодые ночевали в холодной части, где стояла деревянная кровать с соломенным матрасом. А подростки ребята могли и на сеновале уснуть.

Большой крытый двор, разделенный с избой просторными холодными сенями – «мостом», как говорили купаловцы. На мосту всегда стояли кадки с прозрачной водой. Рядом висел ковш. Вернувшись с покоса мужики зачерпывали ледяной свежей воды, не могли напиться. Вода в Купалове была вкусна, но стирать и мыться в ней было одно наказание. Для этого набирали дождевой. Полоскать белье шли в пруд или в бочаг на речке.

Держали скотину: отару овец, несколько коров, свиней, лошадей, кур и уток. Иван был крепким хозяином. Овдовев еще не старым, женился второй раз на девушке Пелагее, которая к троим его детям прибавила еще четверых. Дети его почти все выжили. Только старший сын Митрофан умер от лихорадки взрослым, оставив молодому деду внука и совсем юную вдову.

Много детей – не только много ртов, но и много рук. Все работали, как винтики очень хорошо отлаженного механизма. Работников не нанимали. Дети начинали трудиться с малолетства. Если поспевали первыми в деревне с покосом или жатвой, спешили на

помощь к соседу. Покончив с сезонной работой, мужики и подростки-сыновья ехали в город наниматься в Колесниковскую мануфактуру рабочими. Иван дослужился там до приказчика, был на хорошем счету не только у начальства, но и у владельца Степана Кузьмича, известного в то время промышленника.

Дети женились и разъехались. Кто в другие сёла, кто в город, а кто и построился и остался в деревне. В доме с Иваном, его женой и стариками остался жить один сын Фёдор с двумя маленькими дочками – Катей и Верой. Фёдор, овдовел, повторив судьбу отца. Молодая его жена умерла от чахотки. Перед смертью её выносили лежать, обложенную подушками, под цветущую сирень ранним летом. Эти пахнущие гроздья сиреневых веток – последнее, что она видела. Похоронив сноху, Иван продолжил руководить хозяйством. В срок косили и пололи, пахали и жали. Но сын стал тихим, осунулся, глаза темные. Даже крепкое сердце Ивана сжималось при взгляде на Федю. Помнил боль от смерти старшего и терять еще одного сына боялся.

Осенью Иван и Фёдор уехали вдвоём на работу в мануфактуру, оставив Пелагею со стариками и двумя малолетними детьми. Но за них Иван не переживал – через дом жил его брат, через два – его внук с новой семьей. Есть кому за ними присмотреть. А Фёдор, хоть и рядом с отцом, да все-таки не рядом. И рабочие, и начальство заметили изменения в парне. Сочувствовали, подбадривали. А тайком сговорились найти невесту.

Зимой сына с отцом вызвал к себе в кабинет Степан Кузьмич. Разговор завел с улыбкой, сесть пригласил. Ивану налил коньяка. Выпили. Фёдор стоял молча. Степан Кузьмич сватал Фёдору девушку-кухарку, сироту из крепкой крестьянской семьи. Девчонке уже 16 лет. Хваткая, спорая. Хвалят все. Жалея сироту, заводчик давал приданое за ней.

Так и порешили! Перечить ни отец, ни тем более сын не стали. И к весне сыграли свадьбу в Купалове.